В далекую и прекрасную пору детства меня мучили неразрешимые проблемы, захватывающие тайны и непростые головоломки.

Вся последующая жизнь, полная хаоса и войны, в мире, где все — иллюзия, где правда глубоко законспирирована, а ложь, наоборот, пользуется всеобщим почетом, натолкнула меня на мысль написать эту автобиографическую повесть. Думается, детство — самое лучшее, что дается каждому из нас. В дальнейшем мы ищем дорогу, что ведет обратно, но не видим ее, сбиваемся и ковыляем в темноте.

ОСЛИНАЯ ПОРОДА

Посвящается маме Елене и ее знаменитой теории

Вступление

Моя мама делила рожденных на этот свет детей на три породы: ангельская; «от чертей остатки»; ослиная.

К ангельской породе она причисляла кротких и послушных мальчиков и девочек. Они оставались там, где их бросили взрослые, которые нередко вспоминали о своих отпрысках за полночь, находясь в другом городе. Такие детки не требовали еды громким плачем, а посасывали палец руки, представляя себе, что это вкусная каша, толстели и были красивыми. Они полностью владели реальностью, эти верховные жрецы своей доморощенной Шамбалы, и палец не казался, а был для них материнской грудью или миской каши.

По ночам ангелята крепко спали, им даже в голову не приходило проснуться из-за мокрой простыни или обкаканного одеяла и разбудить любимую мамочку. Когда мама болела, они ползли на кухню, путаясь в слюнявчике и ползунках, и приносили ей чай и бутерброды. Трех лет от роду ангелята уже чистили коту горшок, выгуливали собаку и убирали квартиру.

К породе от чертей остатки причислялись маленькие негодяи. Они, по версии мамы, носились по квартире с утра до ночи, злобно хихикая, сшибая все на своем пути, ломая мебель, переворачивая китайские вазы и отдирая от стен обои. Есть просили, противно завывая и кусаясь. Ели чересчур много, потом чересчур много какали, писали и требовали поменять им штанишки.

Если их наказывали — а маленьких негодяев обязательно следовало отшлепать, — то включалась их самая главная черта: они мстили. Причем мстили, как и положено от чертей остаткам. Сначала родителям едва удавалось их поймать, потому что шустрые малыши умели ловко прятаться. Когда же удача улыбалась взрослым и озорники были наказаны, начиналось совершенно непонятное: вдруг на голову незадачливым родителям прыгала со шкафа кошка или падала ваза, а иногда и то и другое сразу! Вот тут-то родители и понимали, кто к ним «подселился».

Совсем иной была ослиная порода. В этой породе в тело малыша при рождении подселялся осел. Он уверенно занимал свое место, отчего малыш становился невыносимым для окружающих. Ребенок не был ангелом, как дети первой породы, хотя черты его лица могли быть прекрасны, он не буйствовал, как от чертей остатки, но его отличало три ужасных качества: упрямство — всегда и везде такой малыш

настаивал на своем; справедливость — он подмечал малейшие ошибки; бесстрашие — никакой ремень не мог отвратить его от преступной деятельности познания.

Дети ослиной породы обычно достаются родителям либо как тяжелое испытание, либо за грехи их — была уверена моя мама — и встречаются в природе крайне редко. Взрослый в таком случае обречен — он должен попытаться изгнать осла из своего малыша. А значит, последнего нужно как можно чаще лупить.

Руками или тем, что под руку попадется, то есть полотенцем, ремнем, ковшом, линейкой, тетрадками, подушками, обувью… Также разрешалось бросать в ослят чашки с чаем, тарелки с супом, а иногда бить их головой об стену.

Ногами. Увесистые пинки нужно сопровождать словами: «Ох, надоело ослиное упрямство!»

Все это следовало делать исключительно во благо родного чада. Ведь ангелята могли вырасти хорошими людьми, от чертей остатки выбирали путь разбойников и бандитов, но осел не менялся, его невозможно было изгнать из малыша! Только с помощью тычков и затрещин удавалось понижать ослиную составляющую в сознании. Поэтому нужно было строго следить за таким ребенком и выдавать ему положенные шлепки вовремя, чтобы когда-нибудь он стал писателем или бродягой-поэтом.

БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ

Когда я родилась, мама с важным видом прогуливалась со мной по аллеям парка под мелодичный шелест фонтанов.

— Какой ангелочек! — в восхищении шептали знакомые, рассматривая сверток в колясочке, похожей на люльку.

Мама недовольно хмурилась. Она прожила на свете тридцать три года и была мудрой и проницательной женщиной.

— Вся в родителей! — продолжали мамины подружки, пытаясь потрогать мой нос, щеки или покачать колясочку.

Мама все попытки пресекала бойкими шлепками по рукам и, вздыхая, говорила:

— Родилась девочка с глазами бирюзовой воды, как принцесса. Все врачи роддома приходили на нее любоваться! Но характер не сахар. Чувствую, воспитывать придется строго…

— Не придумывай! — утешали маму друзья.

Дома, вытащив меня из красивой белой коляски, поменяв пеленки и сетуя, что девчонка досталась наверняка не ангельской породы, мама укладывала меня в деревянную кроватку и подвешивала над ней игрушки на веревочке. Яркие бубенчики, колесики, погремушки были куплены в магазине для новорожденных. Они естественно смещались в середину веревки, и я, спеленатая по рукам и ногам, как и учили в советские времена, разглядывала их до тех пор, пока не засыпала.

Так продолжалось некоторое время, пока однажды не пришли к нам гости.

— Да она у тебя косая как заяц! — ахнули они.

— Ничего подобного! — возразила мама. — Врач сказал, все в норме!

Но, заглянув в мои глаза, которые смотрели в одну точку — на кончик носа, мама схватилась за голову. Оказалось, это из-за игрушек, постоянно свисающих гирляндой над кроваткой. Игрушки убрали. И, как гневно я ни хныкала, назад не вернули. Работа глаз постепенно восстановилась, и они перестали косить.

Но следом произошел еще более забавный случай, который едва не довел матушку до сердечного приступа: я заснула с яркими, словно синие сапфиры, глазами, а проснулась с карими.

Мама долго меня трясла, пытаясь таким образом восстановить первоначальный цвет глаз, а потом оставила

в покое, села на стул и горько заплакала.

Из синеглазой розовощекой принцессы я стала самой обыкновенной девочкой с карими глазами.

БАБАЙКА

Нить жизни, вплетенную в ткань моего времени, я начала ощущать с полутора лет.

Помню, как лежала в деревянной кроватке, похожей на клетку для хищника. Из такой кроватки нельзя было выбраться, а кричать — бесполезно: дома практически никогда никого не было. Зато при мне всегда находилась персональная нянька — кошка Ксюша. Едва я начинала плакать, не найдя бутылочку с жидкой манной кашей, кошка подходила к кроватке, и, встав на задние лапки, просовывала переднюю лапку сквозь деревянные прутья, и ласково гладила меня по лицу, тщательно пряча когти. Под громкое кошачье урчание я затихала, рассматривая стены и потолок. Потолок у мамы всегда был чистый, свежевыбеленный. Вглядываясь в него часами, я иногда замечала удивительный прозрачный шар, летающий по воздуху. Шар был похож на огромный светло-сиреневый глаз с ослепительным золотом внутри. Признаюсь, меня светящийся шар радовал, и я следила за его полетом, лежа в пеленках с веселыми зайчиками и тигрятами.

Мама, наклоняясь над моей кроваткой, иногда говорила:

— Если человек поверит в себя, ему доступны чудеса! — и смеялась.

Потом появилась бабушка. Бабушка Галя приехала издалека, чтобы помогать меня нянчить, ибо маме нужно было работать. Таким образом, она стала помощницей кошке Ксюше.

Однажды, когда мне исполнилось два года, бабушка качала меня на руках и беседовала с соседкой, седой старушкой в цветастом платке. Я видела рыжие волосы и большие зеленые глаза бабушки Гали. Лежать спокойно не получалось, мне все время хотелось вертеться и скакать.

— Будешь баловаться, — сказала бабушка, когда я задрыгала ногами, — придет бабайка и унесет тебя в подземные пещеры!

Этим непонятным существом в СССР часто пугали детей. Кто такой бабайка, никто не знал, но считалось, что это коварный злой дух вроде лешего.

Услышав незнакомое имя впервые в жизни, я почувствовала страх и зажмурилась. Передо мной возникло из воздуха нечто черное, похожее на баранью шапку пастуха, и начало окутывать меня. Оно не имело четкой формы, но

диковинные темные щупальца, вроде тех что бывают у осьминога, потянулись ко мне.

Я в ужасе закричала:

— Мама!

— Зачем пугаешь ребенка? — спросила соседка бабушку. — Вдруг она его видит?!

Бабушка Галя перекрестила меня, пробормотав молитву, и черная косматая туча, изогнувшись в воздухе, растаяла.

Так я поняла, что существуют не только люди, но и еще кто-то непонятный — совсем рядом с нами.

ОСЛИК, КОТОРОГО ПУТАЛИ С «ОСТАТКАМИ»

Я была непослушным ребенком, и маме со мной приходилось трудно. Именно поэтому существовали временные интервалы, когда она причисляла меня ко второй породе детей.

«Вот от чертей остатки!» — горестно вскрикивала мама каждый раз, когда я пыталась дернуть за хвост кошку, доверчиво подошедшую ко мне, или «отдавала обратно» свой только что съеденный завтрак.

А если кто-нибудь из соседей или родственников говорил, пораженный моим внешним видом: «Да это же ангел!» — мама приходила в негодование и начинала подробный рассказ про породу, которая ко мне подселилась.

«Кусается! Представляете, кусается! А хотела шлепнуть — так сама ударилась об шкаф! Как думаете, кто это?!» — и заговоривший человек быстренько ретировался восвояси.

Демонические проделки действительно занимали меня. Странное дело — никто ведь не учит ребенка врать. Или воровать. Никто не говорит ему: «Раздави муравья!» В детях самих скрыта непреодолимая жестокость познания. Так было и в моем случае. Впервые разбив вазу в два с половиной года, я замотала головой и забубнила: «Нет! Не я!», — и досталось пушистой добродушной кошке Ксюше.

Читали мне в детстве рассказ о добром мальчике по имени Володя Ленин. Он тоже вазу разбил, но сознался в содеянном. Все-таки ангельской породы был ребенок.

Моя порода дала о себе знать как нельзя некстати.

Мне было уже три года, а я, ничего подобного с полутора лет не делавшая, написала в штаны. Мама, как положено отшлепав меня, спросила:

— Почему ты не пошла на горшок?

— Не хочу! — сказала вдруг я, сама себе удивляясь.

— Что?! — В мамином голосе я уловила вторую порцию «награды», но сдаваться и не подумала.

— Я играла в комнате.

— А стирать, по-твоему, кто должен? Я?!

На это у меня ответа не имелось, но зато я вставила:

— Игра моя хорошая, я построила лодку из листьев, и она плыла по ручейку…

«Награда» в виде пары тумаков была тут же получена, а потом у мамы возник весьма резонный вопрос:

— По какому еще ручейку?

После этого я оказалась на коленях в мрачном, темном углу, преимущество которого заключалась в том, что, пока никто не видит, можно ковырять обои, представляя себе, что ты узник, и очень скоро твоя рука найдет клад, и ты обретешь свободу.

Через некоторое время появилась мама:

— Ты знаешь, что сделала плохо?

— Нет.

— Ты сделала плохо!

— Нет.

— Ах ты упрямое животное! Ты сделала плохо!

— Нет!

— Я тебя ремнем накажу!

— Нет! Нет! Нет!

И тут наконец все прояснилось:

— Да ты ослиной породы!

— Нет!

— В тебе говорит осел!

— Нет!

— Все ясно. Он вселился в тебя при рождении.

— Нет!

Мама даже повеселела:

— Можешь идти играть, ты свободна!

— Нет!

Последнее слово вырвалось у меня по инерции, хотя я, конечно, не хотела стоять в углу, да еще коленями на горохе, зато мама сияла — ее теория подтвердилась неоспоримыми фактами.

— Вот и прекрасно, стой там до вечера!

— Не-е-ет!

Но мама уже вышла из комнаты.

ТАИНСТВЕННЫЕ ГРИБЫ

В детстве все воспринимается по-другому. Ты легко переносишься в волшебные страны, где водопады из живых ароматных цветов, а под ногами — лазурное небо. Ты смотришь вверх и видишь там бушующий океан и бегущих по нему лошадей… Может быть, этот мир из твоих снов, а может быть, из моих, но, когда тебе нет еще четырех, ты способен оказаться там в любую минуту — стоит только закрыть глаза.

Сидя на маленьком коврике у своей деревянной кроватки, я незаметно погрузилась в мечты.

Мне пришлось немного задержаться у водопада, чтобы собрать цветы. Попались тяжелые водяные лилии, которые я видела однажды на старинной гравюре. Подумав о выцветших страницах книг, бережно хранящихся в дедушкиной библиотеке, я заметила танцующих эльфов в траве и птиц с радужным оперением, летящих ко мне по небесному океану.

— Привет, друзья! — крикнула я эльфам, а они, взявшись за руки, продолжали кружиться.

Мне тоже очень захотелось повеселиться, и я заплясала вместе с эльфами, отбросив корзинку и рассыпав лилии. Нежная музыка и вкусные запахи наполнили воздух. Было совсем не страшно. Но неожиданно из высоких зеленых трав вынырнул странный зверек и торопливо сказал:

— Я Тики! Иди за мной!

Подумав, что это тот самый зверь, который спас мальчика от змеи, я побежала за ним, забыв о корзинке.

Но он о ней вспомнил:

— Придется вернуться. Она нам понадобится!

Взяв в руки корзинку, я увидела, что мои прекрасные лилии бесследно исчезли, оставив после себя только капельки росы, пропал и волшебный водопад, и теперь на том месте стоял непроходимый мрачный лес.

— Нам туда! — махнул лапкой Тики, показывая на чащу.

Идти было жутковато: где-то в ветвях деревьев ухал филин, совсем как в сказках о Бабе-яге. Но я пошла. Стараясь не отставать от шустрого зверька, отдаленно напоминающего то ли кролика, то ли мангуста, я пыталась не оцарапаться о ветки берез, буков и кленов, преграждавших нам путь.

Через какое-то время я поняла, что мы идем на свет, совсем как бабочки летят на огонь. Лес со всех сторон

окутывала ночь, и звезды смотрели вниз, как глаза гигантского дракона.

— Мы пришли, — сказал Тики. — Мне дальше нельзя. Пойдешь на Лучистую опушку одна.

— Почему?

— Я могу показать дорогу. Но найдешь их сама!

— Кого найду?

— Грибы.

— Грибы? — Я, конечно, видела на картинках грибы и могла четко, не запнувшись на букве «р», произнести «гриб», но никогда их не ела. — Зачем они мне?

— Это необычные грибы, — сказал шустрый зверек. — Кто их соберет, будет все видеть и знать.

Я решила, что мне обязательно нужно все видеть и знать, иначе окружающие подумают, что я дурочка или, чего доброго, настоящий осел (так говорит мама).

Шагнула вперед.

Лучистая опушка с виду оказалась самой обычной: там летали мотыльки и росли полевые цветочки. А вот грибов не было. Я совершенно без толку бродила по краю леса, а потом отчаялась и позвала:

— Грибочки! Грибочки!

Травинки затрепетали, и, к моему удивлению, из-под земли показалось солидное грибное семейство. Шляпки у волшебных грибов переливались золотом, а ножки светились густо-сиреневым. Я, обрадовавшись, собирала их и складывала в корзинку. Скорее, скорее! Мне показалось, что грибы могут исчезнуть так же внезапно, как и появились. Нужно было торопиться.

Подумав, что могу не справиться с возложенным на меня заданием, я заволновалась и вдруг увидела ножик. Он был миниатюрный и блестящий. Срезать грибочки им получалось легко и быстро. Вот моя корзинка уже почти полна… Счастье переполняет меня!

Но откуда-то из океана, в котором бушуют волны, раздался голос:

— Что же ты делаешь, злобное существо?

Оглянувшись в поисках злобного существа, я поняла, что нахожусь не на лесной полянке; в глазах мелькало что-то светло-коричневое, мягкое.

А голос свыше продолжал заходиться в истерике:

— Вы только посмотрите, что творит! Суп на кухне нельзя сварить! Где же это видано! Где это слыхано! У всех дети как дети, а у меня осел! — В мое ухо вцепилась рука, приводя

меня в чувство. — Посмотри, ослиная порода, что ты натворила!

— Что я сделала? Что?

— Смотри! Смотри!

Взглянув под ноги, я обнаружила, что симпатичный коврик у моей кровати изорван. И даже лишен шерсти! Аккуратная горка шерстяных нитей лежит рядом и тут же отвертка, которой дед недавно чинил телевизор.

— Последний раз спрашиваю — что это такое?! — Мама едва сдерживалась.

Я постаралась объяснить как можно понятней:

— Ковер — это полянка в лесу. Я собирала грибы. Грибы вот здесь, — показываю на выдранную из ковра шерсть. — Для того чтобы собрать грибочки, я взяла ножик. Вот этот! — показываю на дедовскую отвертку. — Эти грибы особенные!

Мама отпустила мое ухо, чтобы освободить руку, после чего дала мне такую звонкую оплеуху, что я отлетела под кровать.

— А теперь слушай меня, — сказала она. — Понятное дело, что ты — осел и будешь на своем настаивать, но заруби себе на носу: этот ковер — не лес. Это обычный ковер. Я купила его в магазине, отдав всю свою зарплату. Купила, чтобы у тебя ноги не мерзли. Ты же взяла и плюнула мне в душу.

Обиженная, мама повернулась и ушла на кухню варить суп.

Я лежала под кроватью и думала: как это — «плюнуть в душу»? Набрать полный рот слюней и плюнуть? А куда нужно плевать, чтобы попасть? Где у человека душа? Неужели в ковре, который человек стелет под ноги около кровати?

И еще я подумала, что, когда вырасту, расскажу всем, что ковер может быть лесом и за это никого не надо наказывать!

СТАРЫЙ ХОЛОДИЛЬНИК

То ли дело были прогулки! Обычно мы начинали собираться, когда на улице было светло и ясно, а выходили гулять, когда все малыши во дворе шли спать. Ведь детей ослиной породы обязательно следует приучать к самостоятельности, иначе им не выжить в нашем суровом мире. Для этого начиная с трех лет они должны самостоятельно искать в шкафу свою одежду и, разумеется, самостоятельно одеваться. Ничего, если пару раз на них опрокинется полка с носками или пижамами — это им только на пользу. Ведь тогда придется вещи в шкаф складывать — благодаря чему знания расширятся, время прогулки сократится и дети узнают, каково это — быть неаккуратным.

Вот и в тот знаменательный день все шло по плану. На мне уже кое-как был застегнут красный, отороченный мехом комбинезончик, голову украшала белая вязаная шапочка. А нога побаливала — от удара ящика с колготками, коварно свалившегося на меня, когда я полезла в шкаф за шарфиком. Оставалось только ботинки надеть.

Тут я позволю себе краткое отступление. Дело в том, что в моей замечательной семье, о дворянском происхождении которой ходили необыкновенные легенды, был обычай — обувь хранить в холодильнике. Нет, любезные читатели, не подумайте, что это шутка! Наш дом располагался в местности, где обитало много крыс, и, естественно, крысы могли погрызть обувь. Поэтому у нас в доме было два холодильника: в одном из них, мы называли его «новый», хранились продукты, а в холодильнике под названием «старый» — обувь. Старый холодильник не был подключен к розетке и представлял собой шкаф, железный и прочный, в который не могли попасть грызуны.

Подойдя к старому холодильнику, я изо всех сил дернула ручку. Дверца была довольно тугой и не поддавалась с первого раза даже взрослым. Холодильник страшно затрясся, загудел, словно ожившая машина будущего, и на меня сверху что-то посыпалось. С удивлением я обнаружила, что это вовсе не мамины тычки. Подняв голову, я увидела, что на холодильнике лежит мешок с картошкой. Видимо, его положили туда с той же целью, что и обувь, — защитить от крыс. Мешок был в сеточку, и из-за того, что я дернула ручку на себя, маленькие картофелины начали выскакивать и больно лупить меня. Мне пришло в голову, что старый холодильник не одобряет моей прогулки.

Но тут появилась мама с вопросом:

— Что, копуша, достала свои сапожки?

От испуга я словно язык проглотила. Но мама оказалась доброй — она открыла жутко скрипучую дверцу холодильника и достала мои красные, под цвет комбинезона, сапожки. Несколько вреднющих картофелин еще пару раз стукнули меня по спине и укатились.

— Чего стоишь? — спросила меня мама и велела: — Обувайся!

Правая нога послушно влезла в сапожок, мама в это время надела свое пальто — на улице был февраль и завывала метель. Но левая нога отказывалась обуваться! Сколько я ни пыталась ее туда впихнуть, ничего не получалось.

— Опять упрямишься, как осел! — стала кричать на меня родительница. — Его бьешь палкой, а он ни с места!

— Я не могу надеть сапог.

— Врешь! Просто не хочешь!

— Не могу!

— Ты надо мной издеваешься!

— Нет!

— Ага, споришь, значит…

Тумаки посыпались на меня со всех сторон. Бабушки дома не было, дедушки тоже, и спасти меня никто не мог. В мои три года мне было страшно, но я старалась не подавать виду, а наоборот, попыталась еще раз объяснить:

— Мамочка, я не могу его надеть!

Мои слова странным образом обозлили мать. Совершенно впав в ярость, причины которой были мне неизвестны, она стала пинать меня ногами и дергать за руки так, как злые дети породы «от чертей остатки» дергают за лапки жуков. Поняв, что единственным и последним выходом остается бегство, я ринулась под шкаф — прятаться.

Мама ушла на кухню, выпила чай и успокоилась.

— Вылезай, ослик! Не буду больше ругаться, — пообещала она.

Я недоверчиво выглянула из-под шкафа. Бывало, ласковый голос мог обмануть и выманить для очередного наказания, но на этот раз я решила поверить.

Мама раздела меня и уложила спать, но на этом история о прогулке не закончилась.

На следующее утро мама проснулась в прекрасном настроении, много шутила, пела, и я даже заподозрила, что у меня две мамы. Одна как новый холодильник, от нее приятно пахнет, она веселая и радостная, а другая как старый,

который дребезжит, обзывается и норовит стукнуть побольнее при каждой оплошности.

— Пойдем гулять, пока на улице солнышко! — позвала меня мама. — Будем на санках кататься! Уууух!

Быстро натянув комбинезон и шапочку, я подбежала к старому холодильнику и замерла в ужасе. Вдруг он опять не даст мне надеть мой маленький сапожок? И точно — левую ногу словно заколдовали.

— Мама, я не могу его надеть… — и зажмурилась.

Но ничего страшного не произошло. Мама вдруг сказала:

— Да что там не так? — и взяла сапожок в руки.

Она потрясла его, проверяя, не замялась ли стелька, и тут, к моему величайшему удивлению, из сапожка вывалилась малюсенькая картофелина. Вот что мешало мне вчера! Вероятно, она упала со старого холодильника!

— Ха-ха-ха-ха! — расхохоталась мама. — Вот это чудеса! Картофелина закатилась в сапожок!

Я ждала. Для меня это было так важно, как никогда больше в моей жизни. Я ждала, что мама повернется ко мне, возьмет за руку и скажет: «Прости меня, пожалуйста! Я вчера наказала тебя ни за что. Я так впредь делать не буду».

Я ждала.

Но мама, продолжая смеяться, взяла санки и крикнула:

— Ну что ты стоишь столбом? Идем!

ТАНЕЦ С ГОРШКОМ

Приближался мой четвертый день рождения. Вначале я не знала, что это такое — день рождения, но потом мне объяснили, что это такой день в году, когда все мамы вспоминают про аиста, принесшего им в клюве малыша, и радуются своему ребенку.

— Тебя, не забывай, притащил осел на хвосте! — на всякий случай напомнила мама.

Дедушка пытался ее ругать, но моя мама никак не хотела расставаться со своей знаменитой теорией, и в конце концов все перестали обращать на это внимание, кроме меня, понятное дело.

Мне же пришла в голову дикая мысль, что, раз меня притащил осел, я обязательно стану на него похожа, и я тайком каждый день подходила к зеркалу и смотрела — не выросли ли у меня уши, как у Маленького Мука? О, это было по-настоящему страшно!

А в тот мартовский день я очень радовалась. Ведь завтра мой день рождения! Это значит, мне приготовили подарок! На третий день рождения мне подарили набор пластмассовых букв, и я выучила их все и даже научилась составлять из них простые слова.

Больше всего на свете я мечтала о кукле Барби! Такую куклу я видела в детском журнале, и жила она в далекой стране Америке. Чтобы добраться туда, нужно переплыть океан. Барби стала пределом моих мечтаний, потому что она была словно живая. Замерев, я представляла себе, как стала бы расчесывать ее волосы, наряжать в платья… Моя полка с игрушками была завалена пупсиками и матрешками, ничуть не напоминавшими прекрасную Барби.

И вот, сидя на горшке и занимаясь очень серьезным делом, я повторяла, как заклинание: «Барби! Барби! О Барби!» Было ясно, что не видать мне такой изумительной куклы, но сердце начинало стучать сильнее, едва я произносила ее имя.

— Как можно так долго сидеть на горшке! — возмущалась мама из коридора. Там она клеила обои. — Вставай, а то попа заболит! Целый час сидишь!

Надо сказать в мамино оправдание — она два раза в год делала ремонт. Квартира наша всегда сверкала и блестела. Наверное, поэтому так трудно было в ней жить ребенку, который принимал обычный ковер за полянку в лесу.

В комнате, где я сидела на горшке, поставив его в центр, словно королевский трон, на стенах висели дагестанские

ковры ручной работы, стояла старинная мебель, которой мама неимоверно гордилась, и отражались друг в друге зеркала. Новые розоватые обои сияли серебристыми узорами, подобно цветам поднебесного царства.

— Я купила тебе подарок, — как бы невзначай сказала мама, шурша обоями.

Сердце заколотилось еще сильнее: «Барби!» Я знала, что такая кукла стоит дорого и мама не может ее купить. А вдруг? Подарят! Мне! Барби! Мою Барби!

— Что молчишь? Сама в горшок провалилась? Вставай уже, ослиная порода! Кстати, попробуй угадать, что я тебе завтра подарю, — крикнула мама.

Понимая, как хрупко мое счастье, я не стала сразу говорить «Барби! Барби!», хотя мне хотелось сделать именно это. Я сказала:

— Мячик.

— Нет.

— Пластилин.

— Нет.

— Собачку.

— Не угадала.

— Но… но это то, что я желаю сильнее всего?

— Да… наверное.

И тут случилось невероятное. Моя мечта сбылась — в этом нет никаких сомнений, ведь мама сказала, что это то, что я больше всего хотела! Я вскочила с насиженного места и, схватив первое, что попалось в руки, а это был мой злополучный горшок, пустилась в пляс. Закружилась в лезгинке. Конечно, содержимое емкости тут же оказалось на зеркалах, обоях, диване и потолке. Поняв, что натворила, я остановилась. Ужас сковал меня.

А тут еще мама зашла посмотреть, чем это пахнет…

Не буду продолжать, ибо самое милосердное из всего, что потом случилось, заключалось в том, что я, разумеется, все отмывала и чистила. Особенно диванные подушки, куда содержимое горшка замечательно впиталось. Ушло на это не менее десяти дней. Праздник был загублен.

Но подарок мне все же подарили.

Это оказалась книжка. Я до сих пор помню ее название — «Темная комната», про двух мальчишек — искателей приключений.

Настоящей куклы Барби у меня никогда не было.

Зато был зажигательный танец с горшком!

КТО ЭТО?

Весной в нашем городе Грозном пели птицы и звенели лучезарные фонтаны, в которых пряталась радуга. В нежном персиковом платье, расшитом цветами и бабочками, я была очень красива. Платье сшила бабушка-рукодельница и прислала в подарок из города Ростова-на-Дону. На моих каштановых волосах мама завязала розовый бант, а в руках я держала леденец в виде красного петушка. Это было состояние абсолютного счастья.

Купаясь в солнечных лучах, пронизывающих троллейбус, мы с мамой ехали в городской парк кататься на качелях. В троллейбусе было много пассажиров. Мама взяла меня на руки, и мы сели около прохода. Вокруг стояли мужчины и женщины, а старички, старушки и мамы с детьми сидели. Рядом с нами примостился молодой мужчина, и, перебирая в кармане ириски, я задумчиво разглядывала незнакомца.

— Прекрасная леди вас заметила! — пошутил какой-то пожилой господин с тросточкой, сидящий сзади. Он улыбался.

Невольные слушатели тоже обратили внимание на маленькую девочку в ярком платье и объект ее пристального внимания.

— Ой, какая у вас пушистая кошка! — сказала я незнакомцу.

Тот слегка смутился, но ответил добродушно:

— Ты ошибаешься, девочка, у меня нет кошки!

— Есть! У вас есть кошка! — громко возразила я.

Люди в троллейбусе начали переглядываться и улыбаться.

— Где же кошка? — спросил мужчина. И на всякий случай оглянулся, ища поддержки у других пассажиров.

— Вот! — я показала пальцем.

Смех вокруг нарастал, ибо, разумеется, никакой кошки не было и в помине.

— Она у меня упрямая как ослик! — поделилась своей бедой с окружающими моя мама. — Если пристала к кому-то, так просто не отстанет.

И, повернув меня к себе, строго сказала:

— Хватит говорить глупости! Нет у этого человека никакой кошки! Замолчи сейчас же! Мне за тебя стыдно!

— Ну конечно! — вскричала я на весь троллейбус. — У него нет кошки! Я перепутала! Это мышка! — и еще раз указала на подмышку мужчины, который ехал в общественном транспорте в одной майке и был не брит.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.